

«Отсутствие совместных проектов усиливает взаимные подозрения»

Интервью с президентом ПИР-Центра Владимиром Орловым

Пятница, 20 мая 2011, №89

«Отсутствие совместных проектов усилило взаимные подозрения»

Российско-американская экспертная группа дала наказ президентам

Российско-американский совет по устойчивому партнерству с Россией (СУПР) вчера обнародовал свои рекомендации, касающиеся сотрудничества в сфере ядерного нераспространения и противоракетной обороны, которые ранее были направлены руководством РФ и США. Президент входящего в СУПР российского «ПИР-центра» ВЛАДИМИР ОРЛОВ рассказал корреспонденту „Ъ“ ВЛАДИМИРУ СОЛОВЬЕВУ о том, есть ли шанс, что к этим рекомендациям прислушаются, и могут ли в принципе Москва и Вашингтон найти общий язык по вопросу создания ЕвроПРО.

● СУПР был создан российским «ПИР-центром» и Ploughshares Fund 8 апреля 2010 года, в день подписания президентами РФ и США нового Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ). Основная цель совета — способствовать усилиям по налаживанию стабильного и долгосрочного партнерства между Вашингтоном и Москвой по двум ключевым вопросам международной безопасности — ядерному нераспространению и ядерному разоружению.

— В чем суть предложений, которые вы предлагаете изучить руководству России и США, и почему вы думаете, что они будут услышаны официальным Вашингтоном и Москвой?

— Наша группа СУПР — это совместная российско-американская инициатива экспертов, которые готовили рекомендации по нескольким направлениям. Первое направление — что делать дальше в области сокращения ядерных вооружений и ядерного разоружения после вступления в си-

лу договора СНВ. Второе направление — ближневосточное: как могут РФ и США сотрудничать на Ближнем Востоке, прежде всего в сфере ядерного нераспространения. Это те процессы, которые сейчас оказались немножко в тени, но прямо связаны с первым пунктом. Когда мы говорим «противоракетная оборона», это значит, оборона против каких-то ракет, а не вообще. Какие это ракеты? Мы пока общо говорим — ракеты с юга, имея в виду Иран. Таким образом, нам важно было определить и движение в целом, включая ПРО, и наши конкретные взгляды на Ближнем Востоке, включая Иран.

В итоге мы пришли к важным выводам. Один из них — это наличие взаимосвязи стратегических наступательных и оборонительных вооружений. Мне важно, что все эксперты группы, все члены СУПР присутствовавшие на заседании — и российские, и американские, не оспаривают этой взаимосвязи.

— Эксперты, да. Но вот власти России и США трактуют упомянутую в преамбуле СНВ увязку наступательных и оборонительных вооружений по-разному.

— Точно. В Вашингтоне ее не воспринимают в качестве юридически обязывающей, а в Москве трактуют как часть юридических обязательств, часть документа. Но мы в данном случае говорим о том, что мы сделали срез или, если хотите, замер температуры настроений в экспертных сообществах, близких к Кремлю и Белому дому, чтобы выяснить, есть ли направления, по которым позиции РФ и США имеют шанс совпасть. Ведь, если даже эксперты в чем-то не согласны, тогда у правительства нет практически никакого шанса на официальном

уровне прийти к договоренности. А если есть какие-то общие площадки, по крайней мере у экспертов, значит, существует возможность диалога.

В наших рекомендациях мы вышли на возможности совместной работы РФ и США в области ПРО. Мы говорили о России и США, имея в виду, что это может быть и трек Россия—НАТО, но прежде всего именно России и США. Нужно выработать соответствующие договоренности. Вопрос: могут ли они быть юридически обязывающими? Здесь мы не нашли согласия. Одни члены СУПР полагают, что такие ограничения должны быть и для дальнейших ядерных сокращений может потребоваться принятие ограничений на системы ПРО. Другие уверены, что сенат США не ратифицирует какой-либо договор, содержащий ограничения в сфере ПРО. Но есть и конструктив. После констатации расхождений мы указываем на то, что решением этой дилеммы может стать сотрудничество в области ПРО между РФ и НАТО через решение правительств России и США. Речь идет об интеграции процесса принятия решений, о заблаговременном согласовании запусков ракет перехватчиков, российско-натовских протоколов, определяющих в каждом конкретном случае будет ли отдана команда на перехват баллистической ракеты натовскими или российскими перехватчиками и так далее.

— Но именно по поводу сотрудничества в сфере ПРО стороны и не могут договориться. Прозвучавшее в Лиссабоне предложение Дмитрия Медведева о создании секторальной ПРО осталось без ответа, и теперь мы видим жесткие заявления с российской стороны, в том числе угрозы выйти из договора СНВ.

зает взаимные подозрения»

— Действительно. Россия, видимо, решила напомнить, что если мы не продвинемся в сотрудничестве по ПРО, то потеряем любую возможность установления доверия в этой сфере. Отсутствие совместных проектов усиливает взаимные подозрения. Как следствие, блокируется любая возможность дальнейших переговоров по сокращению ядерных вооружений наступательного характера.

Но при диалоге между Россией и США можно выйти на совместный проект в области ПРО, например по интеграции данных американских и российских систем предупреждения и оценки в едином центре, совместно управляемом НАТО и Россией, или в двух центрах. Безусловно, при понимании, как эта система может обеспечить отсутствие угрозы для самой РФ. Ведь, ввязываясь во что-то совместное, нам нужно знать, что это не подставляет нас. Идея в том, что, если мы ввязываемся, это уже гарантирует от каких-то рисков. Особенно если на бумаге будет определено, о каких в данном случае ракетах мы говорим: что мы перехватываем, ракеты какой дальности. Это поможет понять, что система ПРО, о которой думают американцы, не направлена против России.

— Вы уже передали ваши предложения российской и американской сторонам. Какова вероятность, что их учтут?

— Они ушли в Кремль и в Белый дом и к другим ключевым игрокам еще до презентации. Я не хотел бы комментировать вопрос о том, были ли какие-то их элементы включены в текущие документы, но мы видим, что некоторые из этих предложений востребованы российскими официальными лицами. Часть из них уже используется.

— Как вы считаете, почему российские чиновники — сначала заместитель министра обороны РФ Анатолий Антонов, а затем и заместитель главы МИДа Сергей Рябков — именно сейчас стали бурно реагировать на отсутствие прогресса в переговорах о совместной системе ЕвроПРО?

— Я не стал бы это драматизировать. Просто тот период, который Россия отмерила для себя, ожидая позитивной реакции, прошел. Реакции не было никакой. Москва выждала и сейчас напоминает об этом. Тем более что в начале июня состоится обсуждение проблематики ПРО на уровне министров обороны РФ и НАТО. Сейчас есть коридор возможностей для достижения совместных договоренностей. И, наверное, Россия хотела бы активизировать этот процесс именно сейчас. Если взглянуть на календарь, мы увидим, что и у России, и у США остается не так много времени. Осенью Россия вступает в свой предвыборный цикл — думско-президентский. Это будет определенным образом влиять на возможность или невозможность крупных решений в области российско-американского диалога. А как только у нас завершатся выборы в президенты, стартует полномасштабная предвыборная кампания в США, которая может связать руки уже Бараку Обаме. Поэтому есть понимание, что хотелось бы сделать что-то до этого. Вот вам и соответствующий период — июнь—сентябрь, максимум октябрь.

полная версия
kommersant.ru/1188